

№21 ДЕКАБРЬ-ЯНВАРЬ 2018/19

журнал част(н)ых путешествий

РОССИЯ

l'OFFICIEL *voyage*

НОВЫЙ ГОД
с собой

Погружение
АФРИКА

Приближение
ИСЛАНДИЯ

Побег
ЛАОС

Разведка
БРАЗИЛИЯ

Симбиоз
ДОМИНИКАНА

Маршрут
КИТАЙ

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА ПРЕСС-СЛУЖБЫ GALLERY DIDIER CLAES

MOCAA KMMA BRAFA

Фотография Mohau Modisakeng (МОССА), маска CLA Lwalwa (BFAFA)

В конце ноября президент Франции Эмманюэль Макрон пообещал передать Бенину, бывшей французской колонии, 26 предметов искусства, вывезенных оттуда в конце XIX века. Разговоры о возвращении культурного наследия из европейских музеев на родину велись и раньше, но *до конкретики дело дошло впервые*. В начале 2019 года Макрон предлагает провести встречу между африканскими и европейскими представителями, чтобы обсудить юридические вопросы и разработать политику обмена.

Тем временем в соседней с Францией Бельгии 9 декабря после пятилетней реконструкции открылся для посетителей Королевский музей Центральной Африки. Через сто лет после создания музей переживает трансформацию из грандиозного памятника колониальному триумфу в символ порицания самой идеи имперского господства. Так или иначе эту тему продолжает брюссельская арт-ярмарка BRAFA с 26 января по 3 февраля. Ну а в ЮАР празднует свой первый день рождения крупнейший музей современного искусства ZEITZ MOCAA. Определенно, настало время для европейско-африканского турне и глубокого погружения в тему.

Гиго Гриселс:

«ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ШЕДЕВРА – ЕГО ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ»

В Тервюрене под Брюсселем открывается после реконструкции Королевский музей Центральной Африки, крупнейшее собрание традиционного искусства Конго и один из главных музеев Африки в Европе. Директор музея Гиго Гриселс рассказал об основных изменениях в музее и на мировом рынке африканского искусства.

интервью Мария Сидельникова

Королевский музей Центральной Африки часто называют последним колониальным музеем в мире. Вы согласны с этой формулировкой?
Нет, но я понимаю, что, говоря так, имеют в виду нашу постоянную коллекцию. Она не менялась 60 лет, и в ней действительно представлена бывшая колониальная Африка. Но сегодня наш музей очень современный, с прогрессивным взглядом на мир и на искусство. Мы проводим много новаторских, критичных выставок. Мы первыми сделали выставку про колониальное прошлое Конго, и она вызвала большой резонанс. Мы первыми из музеев, в 2005 году, рас-

сказали о происхождении наших коллекций, а еще раньше, в 2001 году, подготовили большую выставку о независимости Конго глазами африканцев. Так что нас не в чем упрекнуть. Но когда люди приходили в залы постоянной экспозиции, они попадали в прошлое – в колониальный музей. Там на скульптурах было написано: «Бельгия несет цивилизацию в Конго», «Бельгия дарит благополучие Конго». А на стене можно было прочитать цитаты Леопольда II: «Колонизация – это высокая миссия цивилизации». И трогать мы ничего не могли, так как здание музея является историческим памятником. Но сегодня

без особых пояснений все это выглядело бы дикостью.

То есть после реконструкции постоянная коллекция останется колониальной, но с комментариями, а новые отделы и выставки будут, напротив, носить антиколониальный характер. Так?

Именно так. Как музей мы полностью дистанцируемся от колониального режима управления, который основан на военной оккупации территорий, расизме и эксплуатации. Искусство – это другая область. В современной части экспозиции мы затрагиваем темы, которые

показывают сегодняшнюю Центральную Африку – чем она живет, с какими проблемами сталкивается. Отдельные залы посвящены музыке, повседневной жизни и быту, биологическому разнообразию, колониальной политике европейских государств и ее последствиям, ресурсам, которыми так богата Центральная Африка. Ведь там есть и золото, и дерево, и развитое сельское хозяйство, и кадры, но при этом страны региона остаются очень бедными. И этот парадокс мы тоже отражаем в экспозиции.

Так все же у вас музей искусства, научный или этнографический?

Ни то, ни другое, ни третье – мы все музеи сразу. Королевский музей в Тervюрене – это музей, показывающий Африку с разных ракурсов. Одна часть экспозиции будет посвящена искусству, традиционному и современному. Прошлое и настоящее будут представлены рядом, на контрасте. По нашему заказу 20 современных художников из Конго, Руанды и Бурунди создали произведения, которые вступят в диалог с колониальным наследием музея. Например, в историческом «Зале памяти» представлены списки, содержащие 1600 имен бельгийцев, которые погибли в первый период колониальной истории – с 1876 по 1907 год. Там нет ни одного африканца. Но мы-то знаем, что сотни людей стали жертвами европейских колонизаторов, поэтому попросили современных художников придумать соответствующую работу.

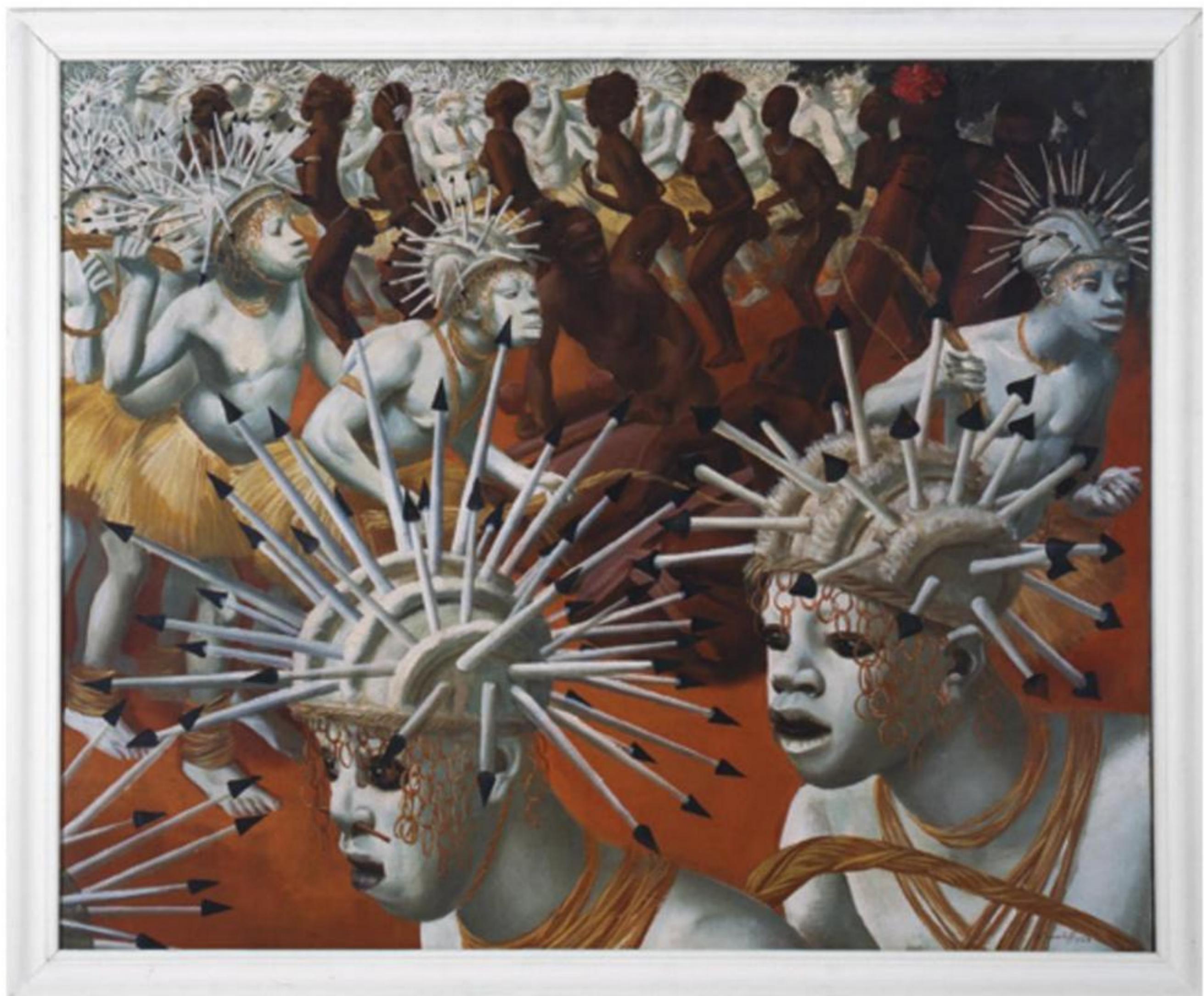
Другая часть экспозиции – этнографическая. В новом здании есть отдельный зал, где мы будем показывать фильмы об африканских странах – как документальные, так и видеоарт. У нас богатая видеотека. И конечно, научная деятельность тоже занимает важное место в нашей работе.

Историческое здание
Королевского музея
Центральной Африки

Эме Мпане «Конго. Новое дыхание», 2018

ФОТОГРАФИЯ КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ, ТЕРМОН

Александр Яковлев, «Ритуальный танец инициации Ганза», 1926 год

Вопрос про терминологию – колониальное искусство и африканское, вы их разделяете?

У нас в музее только африканское искусство – то есть сделанное самими африканцами. А колониальное – это искусство, произведенное бельгийскими или европейскими художниками, это их взгляд на Африку.

Африканское искусство в последние годы стало очень популярным на арт-ярмарках и выставках. Но для широкого круга зрителей художественная ценность традиционных африканских масок, скульптур и тотемов по-прежнему остается загадкой.

В новом музее отдельный большой зал посвящен истории искусства Африки. Там собраны только шедевры, и я вас уверяю, что после просмотра этой части экспозиции вопросы об их художественной ценности и значимости отпадут сами собой. Мы же помним, что африканское искусство стало главным источником вдохновения для художников XX века – Пикассо, Модильяни, Гогена и многих других.

Африканское искусство – анонимное. На что ориентироваться, если мы не знаем имен? Как понять, что перед тобой шедевр? Какие критерии являются определяющими? Скажем, что ценится больше – маска или статуэтка?

Нужно понимать, что определяющим фактором шедевра в нашем случае является его практическая ценность. Все изделия, которые мы называем искусством, использовались: одни маски и статуэтки были для инициаций, другие – для свадеб, третьи – для совета старейшин. В зависимости от сферы применения формировался стиль. Имена художников практически не сохранились, поэтому для африканского искусства важную роль играет происхождение – племя. Почему искусство Конго так знаменито и так ценится во всем мире? Потому что в Конго более 300 племен, 300 разных народностей и, соответственно, столько же разных школ, если говорить в терминологии европейского искусства. Такого разнообразия

у других африканских стран просто нет. В нашей экспозиции мы об этом подробно рассказываем.

Считали ли авторы представленных у вас произведений себя художниками или для них творчество было исключительно элементом повседневной жизни?

Нет, конечно, ни художниками, ни скульпторами они себя не считали. Их задачей было обеспечить себя необходимыми бытовыми предметами. А уже европейские художники своим интересом приблизили их к искусству. В XX веке в Конго, да и во всей Африке, художниками были единицы. Ситуация поменялась только после обретения независимости. Тогда начала складываться местная арт-сцена.

Была ли в Конго среди стольких племен условная художественная элита?

Элиты не было, но было много ремесленников высокого уровня. Имен мы в большинстве случаев не знаем, они почти не дошли до нас. Поэтому эксперты, оценивая предмет, ориентируются на то, из какого он племени, каково время создания и где обнаружен.

Проблемы реституции африканского искусства сейчас тема номер один для европейских музеев.

Президент Франции Эмманюэль Макрон пообещал вернуть шедевры на их историческую родину. Сколько их примерно? Какая доля африканского искусства вывезена в Европу?

Точных цифры вам никто не назовет. Если говорить о Конго, только в одной Европе находится примерно 500 тысяч предметов из этой страны. Есть и другие регионы, богатые конголезским наследием. Счет идет на миллионы. И я говорю лишь о вещах, которые хранятся в публичных – государственных – коллекциях. В частных коллекциях – сотни шедевров. И нам о них ничего не известно. Но в Африке тоже много чего осталось. Есть провинциальные музеи в Конго, где можно увидеть удивительные вещи. Так что неправильно говорить, что все африканское культурное наследие оказалось в Европе. Но реституцию нужно обсуждать, нужно сотрудничать с африканскими музеями, и мы готовы к этому диалогу.

Наверняка вам в музей приносят «шедевры» с невероятным провенансом?

О да! В Бельгии у многих семей есть кон-

голезские корни. Ко мне часто приходят с реликвиями и рассказами, что вот эта невероятная, редчайшая маска досталась им от дядюшки и она стоит миллионы. Рынок делает свое дело, и рекорды на аукционах подогревают азарт. Но такого количества фальшивок, которое крутится на африканском рынке искусства, нет, пожалуй, больше нигде. В конце XIX века рынок туристических сувениров из Конго, главным образом масок, был невероятно развит. Европейские солдаты, возвращавшиеся на континент после военных миссий, мешками везли диковинную продукцию. Производство сувенирных подделок в Африке было поставлено на поток. Сегодня, чтобы определить, что перед вами оригинальное изделие, нужно быть специалистом: знать, например, что разные племена использовали разное дерево, знать отличительные черты стилей разных племен – если в оформлении маски сочетаются несколько стилей, то здесь точно что-то не так. Процесс атрибуции очень сложный, даже специалисты часто расходятся во мнениях.

Есть ли у вас связи с российскими музеями? Совместные проекты?

Со стороны России очень большой интерес и к нашему музею, и к искусству Конго в целом. В прошлом году мы делали выставку современных художников «Худпром Конго: живопись для народа» в «Гараже» в Москве. 160 тысяч посетителей за три месяца – это большой успех. Мы, если честно, не ожидали. По просьбе одного российского музея, который хочет сделать отдельный зал с искусством Конго, я недавно принимал у себя делегацию специалистов из вашей страны, и это тоже очень хороший знак. Кроме того, в России есть и очень хорошие частные коллекции конголезского искусства. Так что Африка к вам ближе, чем кажется.

Диье Клас:

«ЧЕМ МЕНЬШЕ ПЛЕМЯ, ТЕМ ЦЕННЕЕ ЕГО АРТЕФАКТЫ»

С 26 января по 3 февраля в Брюсселе на старейшей в Европе арт-ярмарке BRAFA вновь можно увидеть искусство всех жанров, от скульптуры до видеоарта, и всех времен, от античности до наших дней. Традиционно один из сильнейших разделов BRAFA — африканское искусство. Вице-президент BRAFA галерист Диье Клас — о том, как оценивать, выбирать и покупать предметы африканского искусства.

интервью Мария Сидельникова

Для арт-мира Бельгия — это европейская Африка, в том смысле, что у вас много традиционного искусства этого континента, как в музеях, так и в галереях, много коллекционеров, которые его собирают. Африканское искусство существует на равных с работами художников XX и XXI века. На BRAFA это заметно как нигде. Как вам это удается?

Так исторически сложилось, всему причиной колониальное прошлое Бельгии. В Брюссель многие годы стекалось все искусство из Африки, особенно из Конго. Здесь же оно и оседало — в музеях, в частных собраниях, соответственно, сформировалось сообщество специалистов и коллекционеров. Африканское искусство стало неотъемлемой частью местной арт-сцены, поэтому и на крупней-

шей ярмарке в Бельгии BRAFA без него никуда. Про влияние Африки на творчество художников XX века и на современное искусство тоже хорошо известно, поэтому все больше коллекционеров, особенно нового поколения, приходят на ярмарку за картинами, но внимательно просматривают и африканские стенды. И так не только на BRAFA, это мировая тенденция.

Стенд галереи Didier Claes на BRAFA 2018

ПОГРУЖЕНИЕ В АФРИКА

Считается, что рынок африканского искусства очень молод. Но это же не совсем верно?

Рынок начал формироваться век назад. С первыми возвращенцами из Африки на континент попадали и предметы искусства, которые в итоге оказывались в галереях. Самый известный торговец африканским искусством, француз Поль Гийом, выставлял негритянские скульптуры бок о бок с картинами своих художников-европейцев Амедео Модильяни и Хaima Сутина. Специализированные галереи появились в Европе и в США гораздо позже, в 1950-х.

Вы упомянули о новом поколении коллекционеров. Какие они, что их отличает?

Сегодня все меньше коллекционеров с узкой специализацией. Новые покупатели, которые интересуются Африкой, приходят из мира современного и изобразительного искусства. Это хваткие

Расческа народности леле,
Конго, XIX век

коллекционеры с коммерческой жилкой, а не страстные ценители. Их подкупает связь африканских масок с модернизмом, они выискивают похожести и параллели. И на этом строится их интерес к маскам, статуэткам и прочим племенным атрибутам.

Вникают ли они в значение этих предметов? Насколько важна для них религиозная, мистическая составляющая той же маски?

Совсем не важна. Скажу больше: когда я продаю вещь, я всегда стараюсь рассказать ее историю, предназначение, контекст ее создания, но коллекционера это совершенно не интересует. Главные критерии при покупке – это внешний вид вещи, ее сохранность и качество. Магию с мифологией можно оставить себе.

Что все-таки нужно знать перед покупкой той же африканской маски?

Африканское искусство нельзя коллекционировать как современное, где определяющим фактором становится ваша личная эмоция и известный набор рыночных критериев. Искусство Африки – как живопись старых мастеров: здесь нужна солидная база знаний. Даже если сегодня коллекционеры покупают маски просто как дань моде, я все-таки советую для начала немного разобраться в вопросе, понять, что же такое африканская маска.

И что же это?

Если говорить совсем общо, то прежде всего это ритуальное искусство. Аутентичные предметы, изготовленные племенами для своих нужд, не имеют ничего общего с сувениром, пусть даже сделанным по заказу короля. Если эта маска не использовалась в обрядах инициации, карнавальных плясках или иных магических

ритуалах, она не имеет художественной, а следовательно, и рыночной ценности. В остальном, в отличие от того же современного искусства, в африканском очень мало ориентиров и опорных точек, которые влияют на цену. Поэтому коллекционерам так важно ориентироваться и понимать, что редкость, а что нет, в каких случаях важно происхождение, в каких важнее материал. Знания специальной литературы недостаточно. Нужна еще насмотренность: музеи, ярмарки, общение с галеристами – тогда у вас появится свой взгляд на то, что вам действительно интересно, и понимание, на что вы готовы потратить деньги.

А как живется с этими ритуальными вещами?

Мне – прекрасно! А те, кто говорит, что чувствует плохую энергию и черную магию, пусть попробуют пожить с Баскией или Бэконом. Я знаю людей, которым с похоронными масками уютнее, чем с картинами. Каждый решает сам.

Ну хорошо, доказано, что маска использовалась по назначению.

На что дальше нужно обращать внимание? Период? Материал? Сюжет? Имен же художников мы не знаем.

Для разных стран необходим разный подход, да и он с течением времени корректируется. Но есть универсальное правило: чем меньше племя, тем уникальнее, а следовательно, ценнее его артефакты, просто потому что много изделий они физически не могли произвести. Важным критерием остается европейское влияние. Есть племена, которые очень быстро попали под влияние Запада и потеряли свой стиль, свою самобытность.

Когда это произошло?

Везде по-разному. Например, в Бенине в конце XVI века появились португальцы – и сразу стали заметны европейские мотивы, а у Конго встреча с Западом произошла только в XIX веке.

Дерево, слоновая кость, бронза – какие материалы больше ценятся?

Все опять же зависит от региона, потому что Африка осваивала новые материалы не сразу и не единовременно. Где-то начали работать с бронзой уже в XVI веке, другим потребовалось еще два века, чтобы получить все технические возможности и навыки. В данном случае важнее даже не материал, а его сохранность.

За какими предметами охотитесь лично вы?

Меня интересуют только предметы Центральной Африки и самого высокого уровня и качества. Последние ценные вещи из Африки были вывезены в 1950–1960-х. С 1970-х действует закон, строго регламентирующий вывоз предметов искусства. Самые важные произведения хорошо известны, все они находятся в Европе, в частных коллекциях. Или в старых семьях – и вот здесь возможны самые неожиданные находки.

Можно ли рассчитывать на находку века на территории самой Африки?

Можно, но это лотерея. В Европе, на мой взгляд, больше шансов. Хотя подделок на рынке очень много. Примерно как в России с яйцами Фаберже было: что ни яйцо, то «шедевр». Попасться, признаюсь, довольно легко.

Как реституция, которую пообещал президент Франции Эмманюэль Макрон бывшим колониям, скажется на вашем бизнесе, на рынке традиционного африканского искусства?

Реституция – очень сложная задача. Я думаю, что он высказал эту идею, даже не понимая, во что он впутывается. В рамках восстановления исторической справедливости заявление о возвращении культурного наследия странам, которые вот уже целый век живут без своей истории, звучит безукоризненно и правильно. Но технически это колоссальная работа, требующая сил, времени и политической воли многих участников процесса. Точечные возвращения нужны и возможны. Но глобально процесс реституции может занять 5–10 лет. За это время и Африка поменяется, и все разговоры о том, что возвращенное культурное наследие тут же будет разграблено и окажется на черном рынке, станут неактуальными. В любом случае обещания Макрона арт-рынка никак не касаются. Это головная боль музеев.

ПОГРУЖЕНИЕ АФРИКА

Маска народности лвалва, Конго